

Ольга Шульман

**Тема выбора в «Житии Бенедикта»
(«Диалоги II» св. Григория)**

На первый взгляд, монашество несет в себе лишь один выбор – стать иноком, иным, отличным от прочих. В этом представлении заключена большая доля правды. Прислушаемся, как рассказывается о ней в «Житии Антония», изложенном на современном языке отцом Адальбертом де Воюэ¹:

«Одно из воскресений в долине Нила, около 270 года. Деревенский юноша идет в церковь на службу. Преследования еще не прекратились – они будут продолжаться еще приблизительно сорок лет, но египетское христианство уже в расцвете. Наш молодой человек, которому восемнадцать или двадцать лет, только что потерял своих родителей. Он и его маленькая сестра – одни в жизни. Шагая к церкви, он размышляет о том, что услышал из рассказов, ибо он не умеет читать: как апостолы покинули дом свой, чтобы следовать за Христом; как первые иерусалимские христиане продавали свое имущество и делили вырученное с местными обитателями. Те и другие – какую надежду на небеса питали они!

Служба начинается. Все слушают эпизод из Евангелия о богатом юноше: “Все, что имеешь, продай, и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною” (Лк. 18, 22). Для Антония – ибо так зовут нашего молодого человека – чтение это становится лучом света. Слова Христа, сливающиеся с его собственными размышлениями по дороге в церковь, кажутся ему обращенными к нему лично. Он тут же решает освободиться от всего добра, оставленного ему родителями. Недвижимость – восемьдесят гектаров доброй земли – отданы муниципалитету, мебель продана, а деньги розданы бедным. Сохранилась небольшая сумма, отложенная для сестры. Вскоре он отказался и от этих денег, услышав в церкви другую фразу из Евангелия: “Не заботьтесь о завтрашнем дне”.

Раздав все свое имущество бедным, Антоний доверяет свою сестру христианским девственницам и устраивается жить близ деревни, своими руками зарабатывая себе на хлеб и на милосердные дела, неустанно молясь, выпитывая и сохраняя в памяти всякое слово Евангелия, которое ему удается услышать. Один старый монах, живущий неподалеку, служит ему водителем, другие подают ему пример. Как они, он научится поститься, бодрствовать в молитве, спать на жестком, обходиться без ухода за своим телом. Это то, что называют “аскезой”, то есть попыткой умерить свои инстинкты и подавить страсти, предав тело и душу Богу.

Проведя таким образом пятнадцать лет и устояв перед сильными плотскими искушениями, Антоний идет еще дальше. По примеру пророка Ильи он удаляется в пустыню, чтобы обездолить себя еще больше и схватиться с дьяволом еще теснее – лицом к лицу. В течение двадцати лет он будет жить в полнейшем одиночестве, запертый в разрушенном строении, окружавшем колодезь, и не видя никого – даже друзей, которые каждые шесть месяцев привозят ему запас сухарей. Чудо состоит в том, что выйдя из этого долгого затворничества, где он был постоянно мучим демонами, он предстоит всем как человек совершенно умиротворенный, в самой высокой степени владеющий собой, таинственно лучезарный. Обитающая в нем божественная благодать сделала его несравненным духовным водителем. Отныне к нему стекаются ученики, и пустыня становится населенной, как город.

Если мы напоминаем здесь о приключениях молодого египтянина, то это потому, что они имеют колоссальный резонанс. Антоний не был первым монахом – мы видели, что вокруг него были другие, но он был первым, “Житие” которого было описано всего через несколько месяцев после того, как он в сто пять лет мирно отдал Богу душу в глубине своей пустыни.

Это знаменитое “Житие Антония”, за которым последует великое множество подражаний, было написано величайшим епископом IV века – Афанасием Александрийским»².

«Житие Антония», рассказывает Августин в своей «Исповеди» (Confess. VIII, 5), сыграло важную роль в его собственном обращении.

Обращение – центральный выбор в жизни монаха; но за ним следуют искушения, которые тоже требуют выбора. Обращение – искушения – чудеса – обычная схема житий.

О жизни Бенедикта Нурсийского мы знаем только из его жития, написанного св. Григорием Великим.

Григорий полагал, что «недостаточно проповедовать Слово Божие. Надо представить живые примеры, и они произведут впечатление тем более, что они близки во времени и пространстве. Открыть для обще-

ства итальянских святых вчерашнего дня, часто почти неизвестных вне ближайшего окружения, это значит вызвать к жизни подражание им, поощрить молитву и усилие, дать новый импульс христианской жизни.

Однако большинство людей Божиих, которые должны были выйти на сцену, совершили очень небольшое количество чудес, а иногда и всего только одно. Григорий, знавший около пятидесяти таких персонажей, собрал их истории в Книгах I и III своих «Диалогов». Между двумя группами этих менее значительных фигур он поместил целую Книгу – вторую, посвященную одному святому, который в его глазах пользовался ни с чем не сравнимым авторитетом и относительно которого он располагал многочисленной документацией: Бенедикт, родившийся в Нурсии, монах в Субиако, аббат в Монте-Кассино, умерший около сорока лет назад.

Святым становятся не для того, чтобы быть канонизированным, а для того, чтобы быть угодным Богу. Однако Бенедикту, если можно так выразиться, повезло быть взятым в качестве героя полной биографии одним из лучших писателей своего времени и одним из величайших Пап – из всех, кого когда-либо знала Католическая Церковь (это ему мы обязаны, в частности, обращением Англии)»³.

Но чтобы читать это «Житие» с пользой для себя, не надо искать в нем то, чего наши вкусы современных людей заставляют нас инстинктивно желать: индивидуального портрета, который обрисовывал бы нам оригинальную личность и особенную судьбу. То, что интересует Григория и его современников, – это не особое, непохожее на других лицо человека Бенедикта, а напротив – общие для многих черты, которые делают его святым обыкновенным, так сказать, святым расхожей модели, во всех смыслах подобным великим Божиим людям Библии.

Сестру Бенедикта – Схоластику – родители в самом раннем возрасте посвятили Богу. Сыну же они дали светское образование. Они послали его учиться в Рим. «Это время, конец V века, отмечено возрождением латинской школы под эгидой мудрого и открытого варвара, каким был король Теодорих»⁴.

Однако вскоре Бенедикт оставил учение. Нравственная распушенность его товарищей беспокоила его. Риск впасть в те же пороки казался ему более серьезным, чем польза учения. «Мир», открытой дверью в которой оно было, не будет ли он, наподобие учения, школой дурного поведения и падения? Бенедикт решил сделаться монахом.

Вот как описывает это решение св. Григорий: «Был человек жизни почтенной, Бенедикт милостью и именем. Уже в детстве сердце его было сердцем старца. Выше возраста своего во всех своих проявлениях, он и частички души своей не уделял чувственному удовольствию. На нашей земле он мог бы предаться развлечениям, но презрел цветущий мир, как если бы уже видел его увядающим.

Рожденный в свободной семье в области Нурсии, он был послан в Рим для гражданского литературного учения. Но он видел, как многие там впадали в порок. Итак, едва войдя в мир, он отступил из страха, что светские знания, которые он начал приобретать, целиком погрузят его в бездну бескрайнюю. Итак, презрел он учение гуманитарное, оставил дом и имение отца своего и, лишь Богу одному желая быть угодным, отправился на поиски монашеского облачения, чтобы вести жизнь святую. Так ушел он, искусно несведущий и мудро необразованный» («Диалоги», II, 1, 1).

В Риме и в Нурсии также не было недостатка в монахах. Но молодой человек не собирался ни оставаться в Риме, ни возвращаться в свои родные места. Он хотел разрыва гораздо более полного, и отправился на восток, пересек Римскую Кампанию, добрался до Тибора (Тиволи) и затем поднялся вверх по течению Анио, притока Тибра, в горный район, где он рассчитывал встретить монахов. Немного южнее Анио он остановился в деревне под названием Эффида (сегодня Аффилы).

В то время, как он бродил вокруг Эффида в первых своих поисках монастырей, произошел поразительный случай, значительно ускоривший его планы: он совершил чудо. Его служанка по неосторожности разбила чужую вещь. Увидев ее огорчение, он начал молиться, и вещь восстановилась. Слухи об этом быстро распространились в округе. И вот он – с репутацией святого, человека Божия, чудотворца. Не в силах выносить эту нарождающуюся славу, он бежал, ничего не сказав своей служанке, и скрылся в Субиако.

На обрывистых стенах узкой долины были дикие места, которые так любят монахи. Бенедикту посчастливилось встретиться с одним из них, по имени Романус (Римлянин), который вошел в его положение, дал ему одеяние и поселил в гроте, невдалеке от своего собственного монастыря. Уважая стремление к безмолвию, Романус и привел Бенедикта в грот, не сказав об этом никому ни слова. Целых три года Бенедикт оставался там, никем не замеченный, даже общиной, обитавшей в монастыре, который нависал над его обителью в нескольких десятках метров над ним.

В конце трехлетнего периода существования Бенедикта было открыто дважды – сначала соседним священником, а затем пастухами. Визит священника, кажется, не имел продолжения. Но за открытием, сделанным пастухами, последовали своим многочисленными встречами между отшельником и этими простыми людьми. Вереница посетителей, проходившая отныне через грот, привела однажды очаровательную женщину. Через некоторое время, когда юноша остался один, он был охвачен непреодолимым желанием. Молодой человек почувствовал, что он слабеет: еще немного, и он покинет свою пустыню, чтобы соединиться с предметом своих вожделений. Тогда он лег обнаженным в крапиву и шипы, растущие перед его гротом. Боль изгнала желание.

Как исчезновение Бенедикта для человеческих глаз привело к его духовному влиянию на людей, так и пытка, учиненная им своему телу, дала ему влияние еще большее, чем прежде. На этот раз слушать его пришли уже не простые миряне, проходившие мимо, а настоящие ученики, хотевшие покинуть мир и подражать ему в собственной жизни. К некоторым из них, решившим стать его последователями, присоединились монахи соседней общины, которые хотели, чтобы он стал их аббатом. Когда настоятель их умер, они пришли к Бенедикту просить его занять это место.

Став совсем юным и лишенным какого бы то ни было опыта общинной жизни аббатом, новый настоятель принес в Виковаро, между иным прочим, аскетическую суровость, энергию и требовательность, свидетелями коих мы уже были и доказательством коим видели. Распущенным монахам, с которыми ему пришлось теперь жить, этого показалось слишком много. И то, что он предвидел, совершилось: настоятель и подчиненные не могли поладить между собой. Последовавший затем кризис стал для Бенедикта новым испытанием. До сих пор он сталкивался с двумя основными искушениями: гордыней и вожделением. На этот раз ему угрожал гнев.

Настал день, когда отчаявшиеся монахи решили избавиться от него и подали ему в трапезной отравленное вино. Его спасло чудо: когда он начертал по обыкновению крест на кувшине, тот разбился. Но его собственное поведение было тоже не менее странным. Когда он понял, что его хотели убить, не проявил ни малейшего намека на возмущение, страх или хоть какую-либо

эмоцию. И у него было, говорит Григорий, «спокойное лицо, и душа его была покойна». Сказав несколько слов, он покинул монахов и ушел.

Послушаем св. Григория: «Недалеко оттуда был монастырь. Отец общины только что умер. Вся община пришла к почитаемому Бенедикту, чтобы настойчиво просить его стать их настоятелем. Долгое время он отказывался, отстранял это от себя; он заранее предупреждал их, что его способ жизни им не подойдет. Но затем, побежденный их мольбами, он в конце концов согласился.

Но он строго следил за правильностью монастырской жизни, никому не позволяя совершать, как раньше, незаконные поступки, уводящие в одну или другую сторону с дороги иноческой жизни. Они начали с того, что стали обвинять друг друга в том, что они домогались себе в настоятели этого человека, совершенный образ жития которого был противоположен их изворотливому поведению. Когда они увидели, что при этом человеке незаконное не будет законным, они сочли нестерпимым бросить свои привычки и слишком трудным заставлять себя думать по-новому неподвижным, закосневшим умом. Жизнь добрых всегда тяжела для злых. И они начали искать, как бы предать его смерти.

Посовещавшись тайно, они решили положить отравы ему в вино. Когда согласно монастырской церемонии сидящему за столом Отцу поднесли графин со смертельным питьем, Бенедикт протянул руку, чтобы очертить знак креста. Графин, бывший от него на некотором расстоянии, разлетелся на куски при крестном знамении: злоеший сосуд разбился, как если бы крестное знамение было брошенным в него камнем, И тут человек Божий увидел, что в сосуде был смертельный напиток, потому что он не перенес крестного знамения. Тогда он встал, со спокойным лицом, с душой мирной. Позвал он братьев и сказал им: “Да сжалится над нами Господь Всемогущий, братья! Почто хотели вы сделать мне такое? И что? Не сказал ли я вам, что не жить нам подобно друг другу? Ищите себе отца, который вам удобен; после того, что произошло, невозможно вам более рассчитывать на меня”.

И тогда он вернулся на место возлюбленного своего одиночества и один, под взором Небесного Зрителя, зажил наедине с Ним <...> Всегда на страже и в строгости к самому себе, всегда на себя глядя под взором Творца, всегда себя вопрошая, он не позволял очам души своей бросать взоры наружу» («Диалоги», II, 3, 2–5 и 7).

Только душа, привыкшая стоять перед Богом и смотреть в глаза смерти, может сохранять в этих условиях абсолютный контроль над собой. Подлинная пастырская любовь, в которой боль-

ше сострадания, чем раздражения, поддерживала Бенедикта в этой борьбе. Вернувшись в свой грот в Субиако, отшельник вскоре был окружен множеством превращенцев, желавших жить с ним общей жизнью. После мирян, стремящихся к уединению и совершенной жизни, теперь это была настоящая толпа людей, пришедших под его руку. За дурной общиной в Виковаро, которой он служил впустую, последовала огромная община, шедшая от него самого и полностью послушная его руководству.

Поскольку все три испытания были различными, каждое из них совершило очищение одной из ключевых точек его духовного естества. Порок суетной славы затрагивает душу в высшей ее части, порок сладострастия касается чувственности, порок гнева – агрессивности. Умственные способности и чувственный аппетит испытали на себе посещение искушения, были очищены и подтверждены послушничеством. Бенедикт закалил свои добродетели в этой борьбе, в которой свобода его нашла щедрый ответ Благодати Божией.

Бенедикт принял решение разделить свою общину на двенадцать маленьких монастырей по двенадцать монахов в каждом, подражая Иисусу, имевшему двенадцать учеников. Удивительная социальная мешанина, которую производила монастырская жизнь, заставляла жить под одной крышей, молиться в одной часовне, трапезничать за одним столом маленьких римских аристократов и одного из тех готов, на которых римляне, хоть и страшась их, все-таки смотрели свысока.

Монах-гот работал однажды на берегу озера. Железная часть инструмента его отделилась от ручки и упала в озеро, в этом месте очень глубокое. В монастыре, говорит Бенедикт в своем Уставе, всякая вещь священна. Гот поспешил исповедаться в своей неловкости. Бенедикт пришел на место его работы. Взяв ручку инструмента, он погрузил ее в озеро. В тот же момент железная часть поднялась со дна и пристала к деревянной. Бенедикт вернул готу восстановленный инструмент со словами: «Вот! Трудись и не унывай».

«В другой раз один гот, нищий духом, пришел, чтобы сделаться монахом. Человек Господень Бенедикт встретил его с большой радостью. Однажды он дал ему железное орудие, что-то вроде серпа, называемого “фошар”, чтобы вырвать заросли травы там, где собирались разбить сад. Место, которое готу надлежало очистить, расположено было на самом

берегу озера. И поскольку гот принялся за дело с радостью, стараясь изо всех сил вырвать самые густые заросли кустарника, железный наконечник соскочил с ручки и упал в озеро, воды которого были так глубоки, что не было никакой надежды отыскать его.

Потерять железо! Весь дрожа, гот бежит к монаху Мауро и рассказывает ему о потере, которую он учинил, раскаиваясь в своем проступке. Монах Мауро, в свою очередь, подробно рассказывает о случившемся человеку Господню Бенедикту. Услышав это, человек Господень Бенедикт приходит на место происшествия, берет деревянную ручку, которую держал в руках гот, и опускает ее в озеро. И в ту же минуту железо поднимается со дна озера и соединяется с ручкой. Тогда Бенедикт возвращает готу его серп со словами: “Вот! Трудись и не унывай!”» («Диалоги» П 6, 1–2).

Между тем влияние Бенедикта все возрастало, о чем свидетельствовал постоянно увеличивающийся наплыв людей, приходивших, чтобы стать монахами в Субиако. Настоятель маленького прихода Сен-Лоран, некий Флоран, относился к происходящему с большим подозрением. Священник этот воспылал завистью к человеку Божию, говоря о нем со злобой. После дурных монахов из Виковаро – теперь дурной священник. И в обоих случаях враждебность этих посвященных Богу людей шла до попытки убийства. Монахи налили яду в вино. Флоран вложил отраву в кусок хлеба, и еще хуже того, в кусок хлеба освященного. Когда Бенедикту принесли от иерея освященный хлеб, он прибег к помощи ворона, которого обыкновенно кормил. По его приказу птица унесла в клюве отравленный кусок и бросила его вдалеке – там, где никто не мог найти его.

Не сумев физически уничтожить святого, Флоран предпринял попытку отравить нравственно его духовных сыновей: семь обнаженных девушек пришли, танцуя, в сад монахов. На этот раз Бенедикт почувствовал, что ситуация становится невыносимой. Лучше было бесшумно удалиться. Он реорганизовал свои двенадцать монастырей, расселив по ним монахов, живших с ним в обители святого Климента. Только некоторые из них последовали за ним в его исходе. Вместе с ними он отправился в путь на юго-восток, где создаст свое новое детище Монте-Кассино.

В пути его настигает известие о внезапной смерти Флорана. Бенедикт оплакивает его так, словно тот был его другом. Как всегда внимательный к библейским параллелям совершающихся событий, биограф Бенедикта напоминает здесь другой образ – Давида, опла-

квивающего смерть Саула. Другие чудеса Бенедикта напоминают о Моисее, Илие, Петре, Елисее. «Полный Духа всех праведников», святой из Субиако в своем времени свидетельствует о славе Сына Божия. Новое испытание – это не простое повторение предыдущего. На этот раз реакция святого свидетельствует не только о превосходном владении собой: это настоящее милосердие по отношению к обидчику. Неспособное на ненависть, все существо Бенедикта, все чувства обращены и сосредоточены на способности любить. Этот триумф божественной любви есть нравственное чудо.

«Только лишь человек Божий смиренно убежал ненависти своего соперника, как Бог Всемогущий ужасно покарал этого последнего. Священник этот стоял на террасе, радуясь новости об уходе Бенедикта, и вдруг терраса эта обвалилась, хотя вся остальная часть дома осталась нетронутой. Враг Бенедикта погиб, раздавленный».

Ученик человека Божия по имени Мауро посчитал необходимым как можно быстрее известить об этом почитаемого отца Бенедикта, который был всего только в десяти милях от монастыря: «Вернись, ибо священник, который преследовал тебя, умер!» Услышав это, человек Божий начал громко, обильно плакать и стенать – и потому, что враг его умер, и потому, что ученик его радовался этому. Поэтому он тут же наложил на ученика епитимью, потому что тот, отправляя послание свое, осмелился возрадоваться смерти врага» («Диалоги», II, 8, 6–9).

Как будто бы для того, чтобы выразить это завершение духовного восхождения, Бенедикт устроится теперь на вершине горы. Приблизительно в ста двадцати километрах на юго-восток от Рима, возвышается над Латинской дорогой Монте-Кассино, высотой более пятисот метров над уровнем моря. Место изумительное. На востоке – высокая цепь Абрुцских гор, на западе – плодородная долина. За нею – другие горы, и вдалеке – море.

Вершина Монте-Кассино была занята языческим капищем, посвященным Аполлону, по утверждению Григория, и Юпитеру – по надписи, открытой в прошлом веке. Поселившись в этом месте, Бенедикт оказался перед необходимостью стереть все следы язычества, которое так долго здесь царствовало. Но Бенедикт не ограничился простой христианизацией места. Одновременно он евангелизировал население.

«Селение, называемое Кассинум, находится на склоне высокой горы. Гора в этом месте имеет глубокую впадину, но продолжает вздыматься на высоту в три мили, как будто для того, чтобы вытянуть вершину свою к

небу. И тут стоял старинный храм, где, согласно древнему языческому обряду, поклонялись Аполлону несчастные глупцы из крестьянского населения. Вокруг росли деревья, посвященные демонам; в это время еще целая толпа неверных с великим старанием в неведении своем приносила кощунственные жертвы.

Сразу по прибытии своем Бенедикт разбил идола, опрокинул алтарь, срубил деревья; в храме Аполлона он построил молельню во имя блаженного Мартина, а на месте алтаря Аполлона – молельню во имя святого Иоанна; постоянно проповедуя, он призвал к вере все окрестное население» («Диалоги», II, 8, 10–13).

При строительстве обрушилась одна из стен здания. Под развалинами оказался погребенным молодой монах, и он вовсе погиб бы, не восстанови аббат молитвой его раздавленное тело. Прямо перед этим происшествием дьявол явился Бенедикту, молившемуся в своей келье, и объяснил ему, что он собирается сделать.

Новая монастырская община, таким образом, начала служить Господу в проклятом месте, над которым нависла тяжелая угроза, вызванная памятью о демонах.

Таинственные провидения эти позволяют Бенедикту не однажды открывать проступки, совершенные его учениками или посетителями, и исправлять их. Пророк Елисей дал пример таких чудес, упрекнув своего слугу Гиезия в том, что он тайком выманил плату у сирийского военачальника, излеченного святым от проказы. Таким же образом Бенедикт перехватил двух монахов, которые ели без позволения за оградой монастыря, и набожного мирянина, изменившего своему обыкновению поститься, осуществляя свое ежегодное паломничество в Монте-Кассино; слугу, мошеннически присвоившего себе часть подарков, которые господин его поручил ему отнести; и, наконец, одного монастырского брата, согласившегося, противу правил, принять в подарок несколько носовых платочков от монахинь. Самый интересный из этих эпизодов – история о монахе, гордившемся своим происхождением, которого Бенедикт упрекает в этих невидимых никому чувствах. Сын «защитника», то есть муниципального чиновника или церковника довольно высокого ранга, он исполнял в этот вечер в трапезной скромные обязанности держателя лампы перед столом аббата. В какой-то момент ему пришла в голову мысль, что служба эта его недостойна. Бенедикт тут же взглянул на него и живо сказал ему: «Положи

крестное знамение на сердце свое, брат! Что говоришь тут? Положи крестное знамение на сердце свое!» И немедленно заменил его другим монахом.

«Однажды почтенный отец принимал телесное восстановление сил, и поскольку вечер сильно уже продвинулся, один из его монахов, сын одного защитника, держал ему лампу перед столом. Пока человек Божий ел, наш держатель лампы, стоя по службе своей, был охвачен духом гордыни и начал молча ворчать про себя. Он говорил себе в мыслях: “Да кто он такой, этот, кому прислуживаю, пока он ест? Я ему лампу держу, я ему рабом служу! Будучи тем, что я есть, мне – ему служить?!”. Человек Божий тут же повернулся к нему и начал строго его отчитывать, говоря: “Перекрести сердце свое, брат! Что ты говоришь тут? Перекрести сердце свое!” И он тут же позвал братьев, приказал забрать у того лампу из рук, а ему самому – оставить службу свою, сию же минуту пойти сесть и держать себя тихо.

Братья спросили монаха о том, что произошло в сердце его. Он подробно рассказал им о приливе гордости, который раздул его, о словах против человека Божия, которые произносил он в мыслях, ни слова не говоря. И тут все ясно поняли, что от почтенного Бенедикта ничего нельзя скрыть. Уху его простая мысленная речь звучала громко» («Диалоги», II, 20. 1–2).

В монастыре рождение не имеет никакого значения. Ни возраст, ни социальное происхождение не принимаются в расчет. В смысле времени важна лишь дата вступления: только в зависимости от периода этого нового рождения распределяются монахи в общине. Таким образом, «возраст» монастырский заменяет собой физический. Что до прежнего социального положения, то и оно теряет здесь свои права: отказавшись от какого бы то ни было личного имущества, братья с этой минуты не обладают ничем, что могло бы разделять их в социальном отношении. Так принципиальное равенство, которое крещение устанавливает между христианами, становится в монашеской общине видимым фактом: «Нет больше ни господина, ни раба, все есть одно во Христе», – говорил святой Павел. Это равенство между господином и слугой, богатым и бедным, которое остается в христианском народе взглядом веры, мистическим фактом, в монастыре – и только в нем – превращается в факт ощутимый.

Король явился собственной персоной нанести Бенедикту визит. Охваченный благоговением перед святым, он бросился на землю, как только увидел Бенедикта. Великий монах снова принял

своего гостя сидя. Он встал лишь для того, чтобы поднять простертого на земле Тотилу. Он не пошел навстречу королю, чтобы приветствовать его. Эта непринужденность, граничащая с дерзостью, ярко свидетельствует о великой свободе человека Божия, слуги Христа-Царя, по отношению ко всем сильным мира сего.

И тон, которым Бенедикт заговорил затем с королем готским, был не менее уверенным. Он упрекнул его в актах жестокости, призвал его прекратить их и предсказал ему будущее в следующих нескольких словах: «Ты войдешь в Рим и перейдешь море. Ты процарствуешь девять лет, а на десятый год ты умрешь». По мнению Григория, Тотила принял во внимание слова святого и с тех пор стал менее жестоким. Во всяком случае, объявленные факты подтверждаются: король взял Рим в декабре 546 года и овладел Сицилией в 550 году. Он погиб в битве при Тагине в августе 552 г., после десяти лет царствования.

«Тотила сам пришел к человеку Божию. Издалека он увидел его сидящим. Он не осмелился приблизиться и распростерся перед ним. Человек Божий два или три раза сказал ему: “Встань!” Но он не осмеливался подняться с земли пред лицом его. Тогда Бенедикт, слуга Господа Иисуса Христа, соизволил приблизиться собственной персоной к распростертому на земле королю. Он поднял его с земли, укорил его за его деяния и в нескольких словах предсказал ему его будущее. Он сказал ему: “Ты воистину делаешь зло, много его ты уже сделал; прекрати же вершить несправедливость. Ты войдешь в Рим, ты переплывешь море, ты будешь царствовать девять лет, а на десятом ты умрешь”.

На эти слова полный ужаса король попросил молитвы и удалился. Отныне он стал не таким жестоким. Вскоре он вошел в Рим и высадился в Сицилии. И на десятом году своего царствования, судом Господа Всемогущего, он потерял свое королевство вместе с жизнью» («Диалоги» II, 14–15).

Три чуда совершены были в пользу людей, посторонних общине: святой излечил двух прокаженных, а между двумя этими исцелениями не имевший денег должник был спасен от неприятностей денежной суммой, которую Бенедикт обрел для него молитвой. Достойна замечания бедность общины: если Бенедикт должен встать на молитву, чтобы спасти доброго человека, то значит, необходимую ему скромную сумму нельзя было найти в кассе монастыря.

То же милосердие к людям вне монастыря является нам в эпизоде, который произошел во время голода. Мы уже встречались с этим голодом в нашем рассказе, он, по всей вероятности, имел ме-

сто в 537–538 гг., когда война между готами и Византией, начавшаяся тремя годами раньше, вызвала ужасающую нехватку продуктов питания. Один помощник дьякона, по имени Агапит, пришел в монастырь попросить немного постного масла. Его оставалось совсем мало в почти пустом стеклянном сосуде. Бенедикт приказал отдать все, но келарь приказания не исполнил, считая его неразумным. Когда аббат заметил это неповиновение, он сильно разгневался и заставил выбросить сосуд в окно. Чудом сосуд не разбился, и масло не пролилось. Тогда Бенедикт дал его просителю, отчитал непослушного монаха перед всеми братьями и встал вместе с ними на молитву в погребе. И тут произошло второе чудо: пустая бочка наполнилась маслом. Нечувствительный к атакам, направленным против него самого, Бенедикт не может перенести оскорбления Господа. В данном случае проступок направлен против послушания – добродетели, которая ему особенно дорога. Предмет, хранимый непослушанием, отвратителен – выкинуть его в окно, чтобы очистить дом Божий!

«В те времена, когда ужасающий голод опустошал Кампанию, человек Божий отдавал бедным все, что было в монастыре, так что в подвалах почти ничего уже и не оставалось, только немножко масла на дне стеклянного сосуда. Тут приходит дьячок по имени Агапит, настойчиво прося, чтобы дали ему немного масла. Человек Господень, который решил отдавать все на этой земле, чтобы все потом получить в небесах, приказывает отдать просителю ту малость масла, что оставалась во флаконе. Монах, исполнявший обязанности келаря, приказ услышал, но исполнение его отложил.

Через некоторое время аббат спрашивает его, отдал ли он масло, как ему это было приказано, и монах ему ответил, что ничего не отдал, потому что если бы он действительно отдал масло просителю, то для братии вовсе бы ничего не осталось. Разгневанный аббат приказывает другим монахам тут же выбросить стеклянный сосуд с остатками масла в окно, ибо ничто не останется в монастыре из-за непокорности. Так и было сделано. Траектория флакона оборвалась на скале, но он остался целым, как если бы его и не бросали; он не разбился, и масло не пролилось. Человек Господень приказал поднять склянку и так, в полной целости, вручил его дьячку. Затем в присутствии собравшейся братии он снова взялся за непокорного монаха и перед всеми попрекнул его недостатком веры и гордыней его.

Сказав все это, он вместе с братьями встал на молитву. В том месте, где он с братьями молился, стояла пустая бочка из-под масла, снабженная крышкой. Поскольку святой молился долго, крышка начала подниматься

с бочки под давлением поднимавшегося там масла. Наконец, трясясь, она совсем поднялась. Поток масла, переполнившего бочку, перелился через край, вызвав настоящий разлив на каменном полу того места, где все они распростерлись. Когда Бенедикт, слуга Божий, увидел это, он перестал молиться, и масло перестало течь на пол.

Тогда он снова принялся отчитывать непослушного и неверного брата, чтобы он научился вере и смирению. Брат этот покраснел от этого спасительного внушения, ибо почтенный отец чудесами этими доказал, что Господь Всемогущий одарил его той властью, которую он преподал ему в своем наставлении. Итак, не было никакой возможности для кого бы то ни было поставить под сомнение обетование Божие, ибо в одно мгновение Он за склянку, почти пустую, воздал целой бочкой, полной масла» («Диалоги», II, 28–29).

Сестра Бенедикта, Схоластика, посвященная Богу еще в раннем детстве своем, каждый год приезжала в Монте-Кассино, и Бенедикт встречался с нею за стенами монастыря, в небольшом служебном помещении. День проходил для брата и сестры в духовных разговорах, прерываемых часами службы. Вечером они вместе трапезничали, по-видимому, один раз в день и затем расставались. Последняя из этих встреч произошла за три дня до смерти Схоластики. Хотя монахиня и не казалась больной, она, по всей вероятности, почувствовала приближение конца, ибо во время трапезы она обращается к нему с просьбой: «Прошу тебя, не оставляй меня этой ночью, мы будем говорить о радостях небесной жизни до самого утра». Но Бенедикт не соглашается. Устав не позволяет проводить ночь за стенами монастыря. Тогда Схоластика начинает со слезами молиться. Не успела она поднять голову, как разразилась страшная, внезапная гроза, так что возвращение Бенедикта в монастырь стало невозможным. Крайне недовольный, святой вынужден был остаться на месте. Для св. Григория мораль этой истории такова: для монаха быть верным Уставу – еще не все. Как верность эта ни была достойна уважения, она может быть несколько отодвинута неожиданными требованиями любви. Эпилогом рассказа служит смерть Схоластики, происшедшая через три дня. Бенедикт в своей келье видит душу сестры, поднимающуюся в небо в виде голубя.

«Тогда человек Божий, среди всплесков молнии, грома и безмерного дождевого наводнения видя, что он не может вернуться в монастырь, начал жаловаться в огорчении: “Да простит мне Бог Всемогущий, сестра моя!

Что же ты сделала?» Она ответила: «Вот! Я просила тебя, но ты не захотел меня услышать. Я просила Господа моего, и Он услышал меня. А теперь выйди, если можешь! Оставь меня и возвращайся в монастырь!». Но он никак не мог выйти из-под крыши. Не хотел остаться по доброй воле, так остался силою. И вот как они провели всю ночь в бдении, взаимно поддерживая друг друга святыми словами о духовной жизни.

Итак, я сказал, что он хотел чего-то, но безрезультатно. Ибо если мы примем во внимание мысль святого человека, то он, конечно, желал бы, чтобы хорошая погода, которая была, когда он спускался сюда, продолжалась бы, но против своего желания, по воле Бога Всемогущего он наткнулся на чудо, совершенное сердцем женщины. И ничего удивительного нет в том, что в этом случае женщина оказалась сильнее его: она хотела подольше повидать брата. По слову Иоанна, «Бог есть любовь», и, по суждению совершенно справедливому, она обладала большей силой, ибо больше любила» («Диалоги», II, 33. 1–5).

Узнав о тяжелой болезни епископа Жермена, Бенедикт молился в своей спальне. Сначала Бенедикт увидел сверкающий свет, который был сильнее дневного и прогнал всякую тьму. Затем в этом сверхъестественном свете весь мир собрался перед глазами святого. Наконец появился огромный огненный шар, в котором он увидел душу епископа Жермена, уносимую ангелами в небо. Основной интерес этого эпизода – видение всего мира, «собранного как бы в одном солнечном луче». Бенедикт постигает незначительность не только нашей планеты, но и всей Вселенной перед Божественным Абсолютом, в котором человеческий дух, по благодати, приглашен участвовать. Как объясняет Григорий, дело не в том, что космос сжался, а в том, что взгляд ясновидящего безмерно расширился в Боге.

«И вдруг в самом сердце ночи он увидел свет, упавший сверху и совершенно прогнавший ночную темень. Он был столь сверкающим, что превосходил свет дня, хотя и сиял во тьме ночной.

И совсем неслыханное чудо случилось во время этого созерцания, ибо, как он рассказывал потом, весь мир, как бы собранный в единый солнечный луч, представился глазам его. Высокохотимый отец, вонзив внимательный взор свой в это сияние сверкающего света, увидел душу Жермена, епископа Капуанского, уносимую на небо ангелами в огненном круге...

Петр. Это чудо удивительно в самой высокой мере и совершенно поражает меня. Но то, что ты сказал, что перед глазами его, будто собранный в солнечном луче, явился весь мир, – это такой опыт, которого я никогда еще не имел и который я даже вообразить себе не могу. И на самом деле, как же целый мир может быть видим одному человеку?

Григорий. Крепко запомни, Петр, что я говорю тебе: для души, которая видит Господа, все творение – малость. В столь немногом, что видела она от света Господня, все сотворенное жалось для нее. В ясности внутреннего видения расширяются возможности души; ее разрастание в Боге таково, что она становится больше мира. Даже больше того: душа ясновидящего воспаряет над самой собой. В свете Божиим она восхищена сверх себя самой, она внутренне увеличивается, расширяется. Когда она смотрит на то, что под ней, она сверху понимает, как мало то, чего она не могла понять, находясь внизу.

Итак, человек, который видел огненный шар и ангелов, возносящихся в небо, не мог узреть это иначе, и в том нет никакого сомнения, как в свете Божиим. Что же удивительного в том, что он увидел мир, сжавшийся перед ним – тем, кто возвышен в свете духа, был вне этого мира? Когда я говорю, что мир был собран перед глазами его, это не означает, что небо и земля сжались, но что душа ясновидящего расширилась: восхищен в Боге, он мог без труда увидеть все, что под Богом. Этому внешнему свету, брызжущему в глаза, соответствовал внутренний свет духа, который показывал ясновидящему, восхищенному к небесам, насколько все, что внизу, мало» («Диалоги», II, 1–7).

Как сестра Схоластика, как епископ Жермен из Капуи, Бенедикт в момент своей смерти станет другом Божиим, видимо вознесенным в небо, как Илия или Сам Иисус. Так или иначе, но в отличие от двух предыдущих, видение его вознесения было предсказано им многим ученикам. Он предвидел свою смерть, знал день, в который она придет, и оповестил о знамениях, по которым о ней узнают отсутствующие. Когда пришел последний час, Бенедикт просил отнести его в молельню, причастился Тела и Крови Христовых и умер стоя, поддерживаемый сынами своими, с руками, вознесенными к небу в молитве. В тот день двум братьям было даровано радостное видение. То, что они увидели, не было, как в случае со Схоластикой и Жерменом, видением души, уносящейся к Богу, но просто сияющая дорога, уходившая из монастыря и поднимавшаяся на Востоке, чтобы уйти в небо. Бенедикт только что прошел по этой дороге, говорит им ангел. Вспоминается лестница Иакова, которую Бенедиктов Устав делает символом духовного вознесения монаха. Для Бенедикта смерть стала лишь последней ступенью той лестницы смирения, по которой он поднимался всю свою жизнь. «Кто унижится, вознесется». Высшее унижение, каковым является смерть, ведет к завершению евангельского парадокса о возвышающем смирении.

«Если не отниму у вас тела Моего, – комментирует Григорий, – то не сумею показать вам, что есть любовь духа. И если вы не перестанете видеть Меня телесно, то никогда вы не научитесь любить духовно». Эти последние слова «Жития Бенедикта» – больше, чем простой эпилог. Они указывают на смысл всего произведения. От начала до конца эта биография человека Божия имеет единственную цель: вести к самому Богу, к духовной любви Божией.

Учение и аскеза – две возможности, которые Бенедикт счел несовместимыми. Сделав выбор между ними, он оказывается перед множеством искушений. Каждый раз он может выбирать в пользу страсти (гордыни, сладострастия, гнева) или в пользу Божию, и он не отступает от своего призвания. Каждый раз, унижая себя, он оказывается вознагражденным, как бы возвышенным ради новой трудности. Руководя целой общиной, он неизменно делает выбор в пользу добродетели – пути, который ведет к Богу. Бенедикту будет даровано ясновидение, необходимое для его пастырских трудов, и мистическое видение, предваряющее его собственную небесную славу. Таким образом, история Бенедикта – это и рассказ о милости Божией, которая на свободный выбор человека, сделанный в пользу заповедей Божиих, отвечает щедрыми дарами.

Примечания

- ¹ *о. Адальберт де Вогюэ* (1924–2011) – выдающийся католический исследователь, историк и богослов, доктор теологии (1959), издатель параллельного (латинского и французского) текста бенедиктинского Устава с богатейшими комментариями, редактор-составитель серии томов по истории западного монашества. Жил в бенедиктинском монастыре в уединении, принимая пищу раз в день и посвящая все время молитве и научной работе.
- ² *Адальберт де Вогюэ*. Святой Бенедикт: человек Божий. Р.: Collection Simvol, № 6, 1995. http://krotov.info/libr_min/v/vog/vogue.htm
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.